

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

«НЕЗОЛОТАЯ СТАРИНА»: ОПЫТ НЕГАТИВНОЙ РЕЦЕПЦИИ «УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ» НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

© 2020 г. О.А. Богданова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 15 января 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-252-269>

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта
Российского научного фонда (проект № 18-18-00129)*

Аннотация: В противовес пессимистическим и неомифологическим тенденциям изображения «усадебной культуры» в Серебряном веке, в ряде произведений этой эпохи просматривается и другая линия — эстетической, цивилизационной и социально-психологической критики. Последняя восходит еще к крепостническому времени (А.И. Герцен, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой и др.). Эстетическая критика вытекает из главной тенденции русской культуры начала XX в. — панэстетизма. В трактовке ряда авторов ставится под сомнение или отвергается идеализация Золотого века «усадебной культуры», который в веке Серебряном претендовал на роль «национального идеала». Так возникает полемический образ «незолотой старины» в произведениях И.Ф. Анненского, Андрея Белого, Н.С. Гумилева, Г.И. Чулкова, А.Н. Толстого и др. Кроме того, в структуру «усадебного топоса» входит и цивилизационная критика «усадебной культуры» как органической части русского национально-патриархального мира, нередко отмеченного невежеством и грубостью нравов (А.И. Эртель, А.П. Чехов, И.С. Шмелев и др.). Подробно указанные негативные коннотации «усадебного топоса» рассмотрены на примере повести А.Н. Толстого «Мишука Налымов (Заволжье)».

Ключевые слова: литература Серебряного века, «усадебная культура», усадебный неомиф, негативные коннотации, социально-психологическая критика, эстетическая и цивилизационная критика, Н.С. Гумилев, А.Н. Толстой, повесть «Мишука Налымов (Заволжье)».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: Богданова О.А. «Незолотая старина»: опыт негативной рецепции «усадебной культуры» на рубеже XIX–XX вв. // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 252–269. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-252-269>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

“NOT A GOLDEN ANTIQUE”: EXPERIENCE OF NEGATIVE RECEPTION OF THE “ESTATE CULTURE” AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

© 2020. O.A. Bogdanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 15, 2020

Date of publication: September 25, 2020

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (project No 18-18-00129).

Abstract: In contrast to passeistic and neo-mythological trends in the representation of the “estate culture” in the so-called Silver age, a number of works of that time follow another line — the one of aesthetic, civilizational, and socio-psychological critique. The latter tendency dates back to the serfdom period (A.I. Herzen, N.S. Leskov, L.N. Tolstoy, etc.). Pan-aesthetics, one of the main trends of Russian culture of the early 20th century, prompted the mentioned aesthetic critique. A number of authors questioned and rejected the idealization of the Golden age of “estate culture”, which in the Silver age claimed to be the “national ideal.” This is how the polemical image of “not a golden antique” appears in the works of I.F. Annensky, Andrey Bely, N.S. Gumilev, G.I. Chulkov, A.N. Tolstoy, etc. In addition, the structure of the “estate topos” includes civilizational critique of the “estate culture” as organic part of the Russian national-patriarchal world (A.I. Ertel, A.P. Chekhov, I.S. Shmelev, etc.). The article examined the mentioned negative connotations of the “estate topos” on the example of the story by Alexey N. Tolstoy “Mishuka Nalymov (Zavolzhye).”

Keywords: literature of the Silver age, “estate culture”, a new myth of the estate, negative connotations, socio-psychological criticism, aesthetic and civilizational criticism, N.S. Gumilev, A.N. Tolstoy, a story “Mishuka Nalymov (Zavolzhye)”.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

For citation: Bogdanova O.A. “Not a Golden Antique”: Experience of Negative Reception of the “Estate Culture” at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 3, pp. 252–269. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-252-269>

Исходя из понимания «усадебного топоса» как категории, репрезентирующей напластования эмпирического опыта усадебной жизни в России на протяжении нескольких столетий и сохраняющей тесную связь с окружающей социально-исторической средой, видоизменяясь параллельно с ней, наличие негативных сторон в представлении о русской помещичьей усадьбе и об «усадебной культуре» как таковой удивления не вызывает. В самом деле, по мнению Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой, «усадебная Аркадия» в России, восходящая к античной мифологеме Золотого века, «с самого начала была заряжена на смерть и разрушение» [11, с. 169]: «параллельно с идиллическим осмыслением усадебной жизни мы наблюдаем еще и тенденцию видения ее в “страшном”, “бесовском”, “демоническом”, “ирреальном” свете» [11, с. 92]. На это, добавляет Е.Е. Дмитриева, накладывается двойственность образа русской усадьбы в социокультурном ключе — как места высокой мысли, одухотворенной любви и как места «рабского труда и разврата» [10, с. 141], — встающая из произведений русской литературы XVIII — начала XX вв.

Поэтому «усадебная» литература, в том числе рубежа XIX–XX вв., неоднородна по своему пафосу. Далеко не все произведения «усадебной» прозы и поэзии в Серебряном веке рисовали дворянское поместье как «земной рай». Весьма заметное течение определялось настроением, выраженным в известном гумилевском стихотворении 1908 г.:

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаж.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и томная,
Незолотая старина [8, с. 103].

В последних словах поэта видна попытка развенчания Золотого века русской литературы и культуры (первой трети XIX столетия), который, по наблюдению М.В. Нащокиной, в 1900–1910-е гг. все более уверенно становился «национальным идеалом» [15, с. 116]. «Незолотая» обыденность с подчеркнута прозаическими деталями здесь очевидно противопоставлена всей традиционной поэтосфере русской усадьбы и оформлявшемуся именно в эти годы изяшно-утонченному, светло-возвышенному, облагораживающему душу «усадебному мифу». Называя «старину» «скучной и томной», Гумилев подходил к ней с позиций эстетической критики, характерной для проходившей под знаком символизма эпохи рубежа XIX–XX вв.: ведь, по мысли З.Г. Минц, панэстетизм был «доминантн[ой] примет[ой] “картины мира” и поэтики символизма», «восприяти[ем] и художественн[ым] воссоздани[ем] мира как, в основе своей, “эстетического феномена” и в свете тех или иных *эстетических представлений*, например в художественных или критико-теоретических оппозициях: красота — безобразие; гармония (целостность) — дисгармония (раздробленность); гармония (космос) — дисгармония (хаос); искусство (“мечта”) — “проза жизни”; творчество — внетворческий мир “мещанства” и т. д. (курсив З.Г. Минц. — О.Б.)» [14, с. 178]. Эти воззрения очевидно восходят к знаменитой максиме Ф. Ницше: «<...> существование мира может быть *оправдано* лишь как эстетический

феномен (курсив Ф. Ницше. — О.Б.)» [16, с. 52]. Значительное воздействие философии Ницше на миропонимание Гумилева не раз отмечалось исследователями (см., например: [4]).

Собственный эстетический идеал Гумилева, как и эстетический идеал акмеизма в целом, едва ли был связан с русской «усадебной культурой». Об этом свидетельствуют и другие произведения поэта, например, стихотворение «Девушке» (1911), где поэт открыто осуждает в «тургеневской девушке», традиционном женском идеале русской классики, такие черты, как рассудочность, страх перед жизненными переменами, неспособность к сильным душевным движениям и как бы пониженный жизненный тонус, тенденцию к угасанию.

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда, никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу [8, с. 124].

Так возникает в произведении образ непривлекательной, застойной и бесперспективной, с точки зрения поэта, «старины» с порожденным ею женским типом. Кроме того, здесь же, в последнем четверостишии, экспли-

цирован эстетический идеал поэта-новатора, первопроходца, разрывающего тенёты родной традиции ради выхода на неизведанные просторы мировой культуры в ее экзотических вариантах (имеются в виду африканские путешествия Гумилева). В pendant гумилевским звучат и слепневские строки А.А. Ахматовой 1913 г.:

<...>

Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб [1].

В более позднем стихотворении «Старые усадьбы» (1913) Гумилев несколько меняет оптику, с одной стороны усугубляя прозаизацию усадебной жизни, с другой — встраивая ее в национально-фольклорный контекст.

Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси,
— Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу
Неясный гул, невнятный крик,

И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, — то значит, по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкой,
Идет в гостиную сосед.
Поникнув русою головкою,
С ним дочка — восемнадцать лет.

— «Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка». —
И ясный взор ее туманится,
Дрожа, сжимается рука.

— «Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придется погодить». —
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам — золотоглавые,
Святые, белые скиты,

А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо [8, с. 173–175].

Помимо эстетической (показ жалкого, запущенного усадебного быта), здесь появляются элементы социальной критики (мотив поиска выгодного замужества для бесприданницы). Однако теперь все это парадоксальным образом включено в образ «таинственной Руси», созвучный блоковским строкам 1906 г.:

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь.
Она и в снах необычайна,
Ее одежды не коснусь [3, с. 80].

Гумилев рассматривает дворянскую усадьбу как часть патриархальной народной жизни, почти не затронутой европейским Просвещением, так что в стихотворении присутствует и мотив цивилизационной критики России, «отсталой» с точки зрения «культурной» Европы. Приметы дворянства как привилегированного, просвещенного европеизированного сословия в России XVIII–XIX вв. здесь немногочисленны: фортуна — «азартная лотерейная игра: ящик с колесом, для сего устроенный» [9, с. 538], или упрощенная рулетка; здесь же вступает в силу значение игры с фортуной, поиск «случая», удачной карьеры или денежного выигрыша; дуэльные пистолеты как инструмент защиты личного достоинства — ценности, пришедшей из европейской культуры; книга Ж.-Ж. Руссо — воз-

можно, роман «Эмиль» (1762) с проповедью «естественной религии», чуждой традиционному в России православию; а также лубочная повесть «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (1833), имевшая у современников громкий успех. Барон Брамбеус — псевдоним О.И. Сенковского, редактора и главного автора журнала «Библиотека для чтения», в 1830–1840-е гг. доносившего новости и стандарты европейской литературы, искусства, науки, промышленности, моды до глухих усадебных уголков России. В.Г. Белинский в 1836 г. характеризовал роль «Библиотеки...» следующим образом: «Представьте себе семейство степного помещика, семейство, читающее все, что ему попадется, с обложки до обложки; еще не успело оно дочитать до последней обложки, еще не успело перечесть, где принимается подписка, и оглавление статей, составляющих содержание номера, а уж к нему летит другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками. <...> Не правда ли, что такой журнал — клад для провинции?..» [2, с. 19].

В то же время в «Старых усадьбах» Гумилева звучит мысль о невольной судьбоносной слитности с Россией как она есть, невозможности «убежать» от нее как от собственной противоречивой сущности, сочетающей цивилизаторский пафос Барона Брамбеуса и веру в русалок.

Социально-психологическая критика «усадебной культуры», вслед за М.Е. Салтыковым-Щедриным («Пошехонская старина», «Убежище Монрепо»), Н.С. Лесковым («Тупейный художник»), поздним Л.Н. Толстым («Поликушка», «Дьявол», «Холстомер»), А.П. Чеховым («Случай на охоте», «Иванов», «Черный монах», «Вишневый сад») и др., в свою очередь пронизывает многие страницы «усадебной» прозы Андрея Белого («Серебряный голубь»), Чулкова («Дом на песке»), Федора Сологуба («Творимая легенда»), И.А. Бунина («Суходол»), А.Н. Толстого (цикл «Заволжье»), Б.К. Зайцева («Аграфена»), И.С. Шмелева («Неупиваемая чаша») и др. Хотя нередко у тех же самых авторов сквозь картины современных им усадеб явственно просвечивают черты Эдема, причем не только аутентично библейского, но и культурного, т. е. сложившегося в литературе и искусстве постренессансной Европы «сенсбрно-эстетического рая» [19, с. 259] (например, в рассказе «Мечтатель (*Аггей Коровин*)» А.Н. Толстого) (подробнее см.: [5, с. 110]).

Итак, в противовес пессимистическим и неомифологическим тенденциям изображения «усадебной культуры» в Серебряном веке (подробнее см.: [11, с. 9, 155, 171–173; 5, с. 16–18, 208–210]), в ряде произведений этой эпохи явственно просматривается и другая линия — эстетической, цивилизационной и социально-психологической критики. Сосредоточимся на негативных моментах усадебной жизни в творчестве А.Н. Толстого 1910-х гг. Важно отметить, что и Гумилев, и Толстой с 1909 г. были постоянными авторами журнала «Аполлон», где выработывалась оригинальная концепция русской «усадебной культуры», присущая обоим этим литераторам и отраженная не только в их уже названных произведениях, но и, например, в рассказе последнего «Утоли моя печали» (1915) (подробнее см.: [6]).

Об авторе повести «Мишука Налымов (Заволжье)» (1910) А.М. Горький отзывался как о начинающем писателе, «с жестокой правдивостью изображающе[м] психическое и экономическое разложение современного дворянства» [7, с. 187]. Сам А.Н. Толстой всегда ставил «Заволжье» на первое место в сборниках своих произведений, темой которых, по его определению, была «трагикомедия остатков погибшего класса», а персонажами — «либеральные чудачки, вымирающие зубры, деклассированные господа, сохранившие от бывшего величия подусники и красный околыш» (см.: [18, с. 609]). Как видим, в оценках Горького и самого автора подчеркнута социально-психологическая проблематика, на первый взгляд доминирующая в «Мишуке Налымове».

Действительно, главный герой повести — Михаил Налымов — богатейший помещик, владелец миллионного состояния, предводитель уездного дворянства. Каковы же нравы и времяпрепровождение в его усадьбе? Начнем с того, что он от нечего делать постоянно сидит у окна в халате, поджидая несчастных проезжающих, чтобы учинить над ними жестокую шутку вроде травли собаками или насильного заматывания метлой собственных следов в снегу. Казачок Ванюшка не просто подает барину одежду, но надевает ему панталоны, натягивает сапоги и т. п. Мишука держит домашний гарем из нескольких присланных ему из Москвы девиц, к которым периодически навещается и которых чуть ли не сажает под замок при своих отлучках из усадьбы. В его лексиконе по отношению к окружающим преобладают такие слова и выражения,

как «сволочь вонючая», «черти окаянные», «хам», «два кобеля», «приемыш», «хвостом завертела», «кукиш», «дура», «грачиха», «корова», «твари», «сукин сын», «грязные девки», «высеку», «плюнь ему в морду» и т. п. Его общественная деятельность — участие в земских выборах, на которых «мужичков <...> прокатили», так как «крамольные времена пошли...» [18, с. 201]. Таким образом, его характеризуют: сословный охранительный эгоизм и чванство, инфантильное барство, жестокое самодурство и произвол по отношению к слабым и беззащитным, неуважение к человеческому достоинству, невежество, разврат и животная похоть, цинизм и хамство, чудовищная грубость, трусость в случае отпора и т. д. Причем повесть указывает на типичность этих черт — Налымов отнюдь не белая ворона, а один из многих себе подобных в своем сословии: так, собравшаяся за три дня до свадьбы Никиты и Веры в гостинице Краснова в Симбирске «большая родня Репьевых» буквально навела ужас на окрестное население:

День и ночь буйные крики вылетали из номеров, где резались в карты полураздетые помещики.

Выпито было необыкновенное количество вина <...>.

Молодежь — корнеты, поручики, вольноопределяющиеся гвардейских полков, — все в ночном белье, садились верхом на стулья и скакали, размахивая саблями. <...> Кавалерия налетала на проходящих по коридору, отбивала женщин, брала штурмом коньячные батареи.

Помещики, отсидев за картами зады, ходили — как были — в negligee — под утро освежаться в городской сад, — выворачивали скамейки, боролись, качали деревья. Жутко было простым жителям, спросонок кидаясь к окошкам, глядеть на эти игры [18, с. 230–231].

В ином модусе социальной критики представлен образ Петра Лентьевича Репьева — разорившегося помещика, не сумевшего приспособиться к послекрепостнической реальности и перевести свое хозяйство на новые экономические рельсы. Его попытки построить суконную фабрику, затем раковый консервный завод и, наконец, конный утюг для расчистки снежных дорог и заносов потерпели неудачу, в результате чего имение Соломино «пошло с торгов» [18, с. 220] и он вынужден был навсегда пере-

браться вместе с сыновьями Сергеем и Никитой к сестре Ольге Леонтьевне в Репьевку.

Однако не менее явственно звучат в этом произведении ноты эстетической и цивилизационной критики. Что касается первой, она проявляется в основном в сюжетной линии Мишуки Налымова: в деталях его внешности, манерах, поступках, — а также в описании репьевской родни в Симбирске, в том числе в вышеприведенном тексте. Итак, Налымов — человек «с отвислыми усами, с воловьим, в три складки затылком» и «багровым лицом», с постоянно «выпученным взглядом» «медвежьих глазок» [18, с. 196, 199, 202]. Желая овладеть Верой, схватил ее грубо, «медведем», слова его также незамысловаты: «Поедем ко мне. Ну их всех к черту!» [18, с. 208]. В Симбирске на свадьбе Веры с Никитой Мишука прямо-таки страшен: «Лицо его было желтое, отечное, под глазами собачьи мешки» [18, с. 231]. А перед смертью в своей усадьбе он от водянки «распух до нечеловеческого вида. Облезлый череп его был исцарапан, желтые, словно налитые маслом, щеки закрывали глаза, еле видны сопящие ноздри» [18, с. 237]. В охотничьей избе с Сергеем «Мишука расстегнулся, пил водку стаканами, вспотел, тряс животом сосновый стол» [18, с. 227]. Далеки от эстетичности и девицы из налымовского гарема с их забавами — «<...> возн[ей] и всевозможны[ми] игр[ами]»: «Мишука барахтался, хочоча под навалившимися на него кучей девушками, стаскивая их за ноги, за головы, катался, ухал. Половицы ходили ходуном, и внизу, в полутемном, всегда запертом зале с портретами дам и кавалеров в напудренных париках, с золоченой мебелью, изъеденной мышами, печально звенела подвесками хрустальная люстра...» [18, с. 216–217]. В последней фразе задан контраст современного безобразия и прошлого «благообразия» [12, с. 291 и др.] налымовской усадьбы, чей когда-то «красивый порядок» [12, с. 453] пока еще воочию явлен в соседней Репьевке.

Именно здесь представлена та «золотая» старина, поэтосфера которой легла в основу усадебного неомифа Серебряного века (подробнее см.: [5, с. 209–210]): уютный, чистый и гостеприимный барский дом с выходящей в сад террасой, семейное чаепитие в волнах аромата цветущей сирени, изящные наряды и манеры пожилых хозяев, отмеченных умом и сердечностью, свежая красота и воспитанность юной барышни, образованность и мужественность молодых господ, культурное времяпрепровождение (че-

ние, музицирование), веселый праздник на пруду с фейерверком и иллюминацией в аллеях, костюмированный бал и хор деревенских девушек, а еще — местная легенда о необыкновенной любви прадеда Репьева к рано умершей жене, в память о которой была построена прекрасная беседка с грустящим купидоном и трогательной надписью в стихах. Все эти черты сложились наконец в «систему устойчивых художественных <...> символов (включая типы героев) и лейтмотивов», окруженных узнаваемым «образно-семантическим ореолом» [13]. Так поэтосфера русской литературной усадьбы XIX в. в первые десятилетия XX в. кристаллизовалась в «усадебный миф».

Но этот «красивый тип» [12, с. 454] обречен: Петр Леонтьевич разорен, а его сестра еле сводит концы с концами, племянники «нищие» [18, с. 221], один из них — Никита — физически и душевно слаб, другой — Сергей — циничен и хищен, предмет их влечения, чувствительная и образованная девушка Вера Ходанская — бесприданница. Неудивительно, что молодежь разлетелась из «гнезда»: Никита с Верой — в Петербург, ради заработка на службе; Сергей — в Египет, откуда строит планы быстрого обогащения. «Благообразие» разрушено и в нравственном отношении: молодые женятся без любви; Сергей, отказываясь от брака с влюбленной в него Верой, тем не менее склоняет ее к сожителству ради удовлетворения своего «свирепого желания» [18, с. 226]; в Африке же он ищет отнюдь не высокой гумилевской романтики. Так, Ольге Леонтьевне в письме из Египта старший племянник делает скептическое признание: «Видел старичка сфинкса, лазил на пирамиды» [18, с. 236], — и делится «коммерческой» идеей о том, как выманить у русских православных монахов круглую сумму благодаря мошенничеству с купленной по дешевке мумией. В этом молодом человеке нет ничего, кроме сугубого материализма и цинизма.

Элементы цивилизационной критики русской «усадебной культуры» проявляются в повести Толстого в том, что склонность к безделью, безобразию и хаосу, хамство, невежество, самодурство и стремление выместить свои обиды на слабых и беззащитных — как негативные черты зараженного «азиатчиной» народного характера¹ — в конечном итоге вытесняют дворян-

¹ Противопоставление европейского и азиатского начал в русском национальном характере, неприятие «панмонголизма» (Вл.С. Соловьев) — заметная тенденция в литературе

ский усадебный «порядок» [12, с. 453], сложившийся в России XVIII–XIX вв. и овеянный аристократической европейской культурой с ее культом чести и уважением к человеческому достоинству, стремлением к прекрасным формам быта и взаимоотношений между людьми. Налымовщина поглощает Репьевку: Сергей не только материально зависит от Мишуки, но во многом повторяет его психотип.

В то же время в повести очевиден и мотив патриархально-фольклорного приятия традиционной «усадебной культуры» во всех ее ранящих противоречиях и глубинной органичности многовековой русской жизни. Во-первых, это отмеченное Сергеем «богатырство» [18, с. 228] Мишуки, сказывающееся не только в способности много съесть и выпить, неиссякаемой половой активности (домашний гарем и др.) и неутомимости в кутежах и жестоких забавах, но и в стихийной широте души: покаянии (за намерение обесчестить Веру), прощении обид (пощечины от Сергея), щедрости (финансирование поездки Сергея в Египет), справедливости (защита бывшего усадебного «казачка» Евдокима, ставшего лакеем в симбирской гостинице, от обидчика, фабриканта-нувориша), благородстве (преклонение перед красотой и чистотой Веры и завещание ей всего своего имущества). Кроме того, неоднократно показано единство господ и дворни в репьевской усадьбе, например в эпизоде празднования 19-летия Веры в усадебном парке: во время костюмированного бала Сергей нарядился «черт[ом], в овчине, <...> измазанн[м] сажей» [18, с. 206], и веселил деревенских девушек, с которыми ему было явно интереснее, чем с родственниками в барском доме.

Итак, несмотря на жесткую социально-психологическую, эстетическую и цивилизационную критику русской «усадебной культуры» рубежа XIX–XX вв., полного ее отрицания мы не наблюдаем. Напротив, в толстовской повести, как и в поэзии Гумилева, несмотря на присущее ряду современников представление об угасании помещичьей усадьбы, присутствует мотив ее укорененности в патриархально-фольклорной стихии русской национальной жизни, зачастую не подлежащей ни этической, ни эстетической оценке. И в связи с этим — еще один важный художественный итог: в усадьбах Золотого и Серебряного века встречались крупные самобытные

Серебряного века, в различных ее идейно-художественных направлениях: см. творчество А.М. Горького, А. Белого, А.А. Блока и др.

характеры, с метафизическим чутьем и онтологическим размахом, несмотря на нередко рутинный образ жизни (прадед Репьев и даже, как воплощение «богатырства» и «широкости», сам чудовищный Мишука). Этот аспект «усадебной культуры» впервые выдвинулся на заметное место и был положительно оценен именно в Серебряном веке в связи с разрушением традиционного общества в России, маргинализацией большей части народа, эскалацией массы и умалением индивидуальности как главного субъекта истории в Новейшее время.

Список литературы

- 1 *Ахматова А.А.* Ты знаешь, я томлюсь в неволе... // *Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1. С. 143.
- 2 *Белинский В.Г.* Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы // *Белинский В.Г.* Полн. соб. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. С. 7–50.
- 3 *Блок А.А.* Русь // *Блок А.А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 79–80.
- 4 *Богомолов Н.А.* Оккультные мотивы в творчестве Гумилева // *Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы науч. конф., 17–19 сент. 1991 г.* СПб.: Музей А. Ахматовой, 1992. С. 47–50.
- 5 *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- 6 *Богданова О.А.* Рассказ А.Н. Толстого «Утоли моя печали» в контексте русской культуры // *Алексей Толстой: диалоги со временем.* М.: Литературный музей, 2017. С. 9–19.
- 7 *Горький М.* Письмо слушателям школы в Болонье от 10 (23) – 11 (24) ноября 1910 г. // *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 8. С. 186–187.
- 8 *Гумилев Н.С.* Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. 589 с.
- 9 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 683 с.
- 10 *Дмитриева Е.Е.* Русская усадьба: семантика, топос и хронос // *Имагология и компаративистика.* 2019. № 11. С. 140–173.
- 11 *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- 12 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. 456 с.
- 13 *Кузнецова Е.В.* Поэтосфера. URL: http://litasadba.imli.ru/sites/default/files/1_redkuznesova-poetosfera_opredelenie_o.pdf (дата обращения: 29.01.2020).
- 14 *Миц З.Г.* Об эволюции русского символизма: К постановке вопроса. Тезисы // *Миц З.Г.* Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3-х кн. СПб.: Искусство–СПб, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 175–189.
- 15 *Нащокина М.В.* Русская усадьба Серебряного века. М.: Улей, 2007. 432 с.
- 16 *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. / сост., ред., вступит. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 829 с.
- 17 *Соколов М.Н.* Принцип рая: Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 703 с.
- 18 *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 1. 628 с.

References

- 1 Akhmatova A.A. Ty znaesh', ia tomlius' v nevole... [You know I am suffering in captivity...]. In: Akhmatova A.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998, vol. 1, p. 143. (In Russ.)
- 2 Belinskii V.G. Nichto o nichem, ili Otchet g. izdateliu "Teleskopa" za poslednee polugodie (1835) russkoi literatury [Nothing about nothing, or Report to the publisher of the "Telescope" about Russian literature of the last half a year (1835)]. In: Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, vol. 2, pp. 7–50. (In Russ.)
- 3 Blok A.A. Rus' [Rus]. In: Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [Complete works: in 20 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997, vol. 20, pp. 79–80. (In Russ.)
- 4 Bogomolov N.A. Okkul'tnye motivy v tvorchestve Gumileva [The occult motifs in the works of Gumilev]. In: *N. Gumilev i russkii Parnas: Materialy nauch. konf., 17–19 sent. 1991 g.* [N. Gumilev and the Russian Parnassus: Conference proceedings, September 17–19, 1991]. St. Petersburg, Muzei A. Ahmatovoi Publ., 1992, pp. 47–50. (In Russ.)
- 5 Bogdanova O.A. Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya [Estate and dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries: topic, dynamics, mythology], ed. E.E. Dmitrieva. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, 288 p. (In Russ.)
- 6 Bogdanova O.A. Rasskaz A.N. Tolstogo "Utoli moia pechali" v kontekste russkoi kul'tury [The story of A.N. Tolstoy's "Quench my sorrows" in the context of Russian culture]. In: *Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: dialogues with time]. Moscow, Literaturnyi muzei Publ., 2017, pp. 9–19. (In Russ.)
- 7 Gor'kii M. Pis'mo slushateliam shkoly v Bolon'e ot 10 (23) – 11 (24) noiabria 1910 g. [Letter to students of the school in Bologna from 10 (23) – 11 (24) November 1910]. In: Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [Complete works and letters: in 24 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2001, vol. 8, pp. 186–187. (In Russ.)
- 8 Gumilev N.S. *Sochineniia: v 3 t.* [Works: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. Vol. 1, 589 p. (In Russ.)
- 9 Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* [Comprehensive dictionary of the living Russian language in 4 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1991. Vol. 4, 683 p. (In Russ.)
- 10 Dmitrieva E.E. Russkaia usad'ba: semantika, topos i khronos [Russian estate: semantics, topos and chronos]. In: *Imagologiya i komparativistika*, 2019, no 11, pp. 140–173. (In Russ.)
- 11 Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [Life of the estate myth: paradise lost and found], 2nd ed. Moscow, OGI Publ., 2008, 528 p. (In Russ.)
- 12 Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leninrad, Nauka Publ., 1975. Vol. 13, 456 p. (In Russ.)

- 13 Kuznetsova E.V. *Poetosfera* [Poetic sphere]. Available at: http://litasadba.imli.ru/sites/default/files/1_redkuznecova-poetosfera_opredelenie_o.pdf (Accessed 29 January 2020) (In Russ.)
- 14 Mints Z.G. Ob evoliutsii russkogo simbolizma: K postanovke voprosa. Tezisy [On the evolution of Russian symbolism: Thesis]. In: Mints Z.G. *Blok i russkii simbolizm: Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian symbolism: Selected works in 3 books]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb Publ., 2004, book 3: *Poetika russkogo simbolizma* [The poetics of Russian symbolism], pp. 175–189. (In Russ.)
- 15 Nashchokina M.V. *Russkaia usad'ba Serebriannogo veka* [Russian estate in the Silver age]. Moscow, Ulei Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)
- 16 Nitshe F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy from the spirit of music]. In: Nitshe F. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], comp., ed., introd. and ref. by K.A. Svasyan. Moscow, Mysl' Publ., 1996. Vol. 1. 829 p. (In Russ.)
- 17 Sokolov M.N. *Printsip raia: Glavy ob ikonologii sada, parka i prekrasnogo vida* [The paradise principle: Chapters on the iconology of the garden, the park, and the beautiful view]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2011. 703 p. (In Russ.)
- 18 Tolstoi A.N. Mishuka Nalymov (Zavolzh'e) [Mishuka Nalymov (Zavolzhye)]. In: Tolstoi A.N. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 1. 628 p. (In Russ.)